

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го Декабря № 23 1892 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Ветхозавѣтная пророческая проповѣдь какъ образецъ для христіанскихъ пастырей—проповѣдниковъ.

*(Окончаніе *).*

Нѣтъ сомнѣнія, что современная проповѣдь, направленная къ простому народу, не можетъ ограничиться одною церковною кафедрою. Подобно древне-пророческой и Христова-Апостольской, она должна раздаваться вездѣ, гдѣ только представляются случаи посѣять въ сердцахъ людей спасительное ученіе. Само собою разумѣется, что проповѣдникъ не долженъ разсуждать на церковной кафедрѣ объ устройствѣ и составѣ новыхъ учреждений, вводимыхъ въ крестьянскій бытъ. Объ этомъ онъ можетъ говорить съ крестьянами въ домахъ, подъ открытымъ небомъ, въ сельской школѣ, въ домашнихъ собраніяхъ и на мірскихъ сходкахъ. Было-бы въ высшей степени страннымъ, если-бы проповѣдникъ захотѣлъ высказать въ церкви утѣшеніе больному, надъ которымъ въ домѣ было совершено таинство елеосвященія, или напутствіе въ жизнь вѣчную. Было-бы неумѣстно со стороны проповѣдника, еслибы онъ вздумалъ

*) См. № 22-й нашихъ Вѣд. 1892 г.

говорить на церковной кафедрѣ о такихъ предразсудкахъ и суетвѣріяхъ, изложеніе которыхъ было-бы оскорбительнымъ для святаго мѣста. Но съ церковной кафедры проповѣдникъ можетъ и долженъ говорить о томъ благотворномъ вліяніи, какое имѣютъ совершенныя въ быту крестьянъ перемѣны на ихъ частную, семейную и общественную жизнь. Словомъ, къ церковной кафедрѣ онъ можетъ говорить все то, что удобоприложимо къ наличнымъ слушателямъ и неоскорбительно для святыни храма.

Не менѣе современныхъ предметовъ для христіанской проповѣди представляетъ и жизнь среднихъ и высшихъ классовъ. Преобладающимъ современнымъ порокомъ въ этихъ классахъ является фарисейство. Оно преимущественно усматривается въ людяхъ пожилыхъ или мало развитыхъ и мало образованныхъ. Эти люди постоянно стараются казаться набожными, постоянно твердятъ о благочестіи, а иногда даже носятъ полумонашеское платье. Они дѣлаютъ вклады въ церковь и жертвуютъ на общественныя предпріятія. Но все это продѣлывается ими съ тою цѣлью, „да видятъ ихъ человѣцы“. Они услаждаются своими дѣлами и съ презрѣніемъ относятся къ другимъ, нетворящимъ этихъ дѣлъ. Они любятъ разглагольствовать о своей праведности. вмѣстѣ совсѣмъ этимъ они совершаютъ массу грѣшныхъ и безчестныхъ дѣлъ, искусно скрывая ихъ отъ постороннихъ глазъ. Въ этомъ послѣднемъ все отличіе ихъ отъ простаго народа.

Въ научно-же образованномъ, — или вѣрнѣе, — не полно научно образованномъ обществѣ современнымъ важнымъ для проповѣди явленіемъ служитъ саддукейство. Впрочемъ оно можетъ быть принадлежностью и высокообразованныхъ людей, но эти люди почти всегда бываютъ легкомысленны. Современные саддукеи слѣпо вѣрятъ въ себя, въ свои соб-

ственные силы. Отличительною чертою ихъ является чванливое самохвалство и порицаніе великихъ завѣтныхъ религіозныхъ истинъ — вѣры въ вѣчность, въ безсмертіе, въ духовное возрожденіе, — словомъ, во все то, что проповѣдуетъ Евангеліе для устройства временнаго благополучія человѣка и его вѣчнаго блаженства. „Глупо привязываться къ церковной обрядности, неразумно вѣрить во всѣ тѣ истины, которыя возвѣщаютъ Слово Божіе и Церковь, напротивъ благоразумно во всемъ слѣдовать внушеніямъ своего личнаго разума и требованіямъ общечеловѣческаго сознанія и довѣряться только тому, что подтверждается опытными науками“. Отсюда и въ нравственномъ ихъ ученіи господствуютъ такіе принципы, которые ясно свидѣлствуютъ только о разложеніи нравственности. Вотъ тѣ тезисы, которые долженъ имѣть въ виду современный христіанскій проповѣдникъ ¹⁾).

Подобно проповѣди, разбирающей современные недуги простаго народа, и проповѣдь, трактующая о современныхъ ненормальныхъ явленіяхъ среднихъ, высшихъ и образованныхъ слоевъ общества, не можетъ и не должна ограничиваться однѣми стѣнами храма. Если современное фарисейство можетъ быть изобличаемо и искореняемо съ церковной кафедры, то для борьбы съ нынѣшнимъ саддукействомъ проповѣдникъ долженъ искать благопріятныхъ случаевъ внѣ храма. Было-бы нетактично и совершенно бесполезно громить современныхъ саддукеевъ съ церковной кафедры, почти всегда неприсутствующихъ въ храмѣ. Въ этомъ случаѣ проповѣдникъ уподобился-бы сражающемуся съ тѣнью. Но еслибы даже эти саддукеи и стояли предъ лицомъ церков-

¹⁾ *Примѣчаніе.* Считаемо не лишнимъ и здѣсь оговориться, что изложенныя нами современныя болѣзни среднихъ, высшихъ и неполно образованныхъ классовъ общества усваиваются нами далеко не всѣмъ безъ исключенія.

наго оратора, то и тогда-бы съ одной стороны, какъ мы уже раньше замѣтили, за недостаткомъ времени, посвящаемаго произношенію проповѣди, не возможно было-бы съ достаточною полнотою обосновать доказываемыя положенія, а съ другой—въ силу невозможности получать отъ слушателей возраженія и опровергать ихъ, проповѣдь была-бы насколько не убѣдительна для тѣхъ, кому она посвящена, а потому и совершенно бесполезна. Поэтому проповѣднику остается бороться съ современными саддукеями только внѣ храма. Въ этой борьбѣ онъ долженъ выказывать въ себѣ настолько-же ревностнаго цѣнителя истинной науки и просвѣщенія, насколько усерднаго поборника и защитника истинъ христіанскаго вѣроученія. Онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ унижать и отрицать важности и значенія тѣхъ наукъ, которыя занимаются наблюденіемъ и изученіемъ законовъ видимой природы. Напротивъ, онъ долженъ выказывать уваженіе ко всѣмъ открытіямъ и усовершенствованіямъ, дѣлаемымъ въ области естествознанія и примѣняемымъ съ пользою къ жизни человѣка. Онъ не долженъ забывать, что эти науки развиваютъ умъ человѣка и облегчаютъ трудовую и тяжелую жизнь его. Но въ то же время проповѣдникъ долженъ доказывать, что естественныя науки далеко еще не все дѣлаютъ для человѣка, что онѣ ни больше, ни меньше, какъ только дѣлаютъ болѣе удобною одну внѣшнюю трудовую жизнь его и тѣмъ самымъ только нѣсколько облегчаютъ ему путь къ внутреннему нравственному совершенству, но самаго этого пути, самаго начала и источника совершенства вовсе не указываютъ.

Въ рѣчахъ ветхозавѣтныхъ пророковъ главное мѣсто занимаютъ политическіе вопросы. Они-то въ особенности и дѣлаютъ эти рѣчи въ высшей степени современными. Но должно-ли, или, по крайней мѣрѣ, будетъ-ли возможно и

умѣстно современнымъ христіанскимъ проповѣдникамъ подражать древнимъ пророкамъ въ этомъ отношеніи? Нѣтъ сомнѣнія, что такой нужды въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, какая существовала для ветхозавѣтныхъ пророковъ, у нашихъ проповѣдниковъ нѣтъ. Этими вопросами занимаются въ настоящее время особые органы прессы и особые люди. А между тѣмъ у евреевъ не было ни особыхъ политическихъ журналовъ и газетъ, ни особыхъ политическихъ дѣятелей и мыслителей въ нашемъ смыслѣ слова. Да и государство еврейское существовало на началахъ совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, на какихъ существуютъ современные намъ государства. Тамъ была теократія, а у насъ антропократія. Наконецъ, что особенно важно, самъ глава и основатель христіанской проповѣди—Иисусъ Христосъ отдѣлилъ область Божію отъ области кесаревой. Поэтому не слѣдуетъ вступать въ эту послѣднюю и нашимъ проповѣдникамъ. Они не должны вторгаться въ нее, какъ политическіе дѣятели. Но съ другой стороны нашъ простой народъ не имѣетъ возможности пользоваться органами политической прессы, а если и представится къ тому возможность, то онъ или ложно пойметъ почерпнутыя изъ газетъ свѣдѣнія, или получить превратное толкованіе отъ другихъ, желающихъ намѣренно или ненамѣренно вводить его въ заблужденіе личностей. Съ другой стороны тѣ, кто имѣетъ возможность читать политическія мысли другихъ и рѣшать политическіе вопросы, иногда оскорбляютъ въ своихъ мнѣніяхъ христіанскую религію, или идутъ противъ существующаго образа правленія. Наконецъ, само правительство можетъ явно возстать противъ Бога и вѣры въ Него, какъ это сдѣлало французское правительство, издавъ эдиктъ противъ бытія Божія. Слѣдуетъ-ли во всѣхъ этихъ случаяхъ проповѣднику переступить границу области Божіей? То

правда, что Иисусъ Христосъ и Апостолы не вмѣшивались въ политическія дѣла, но ихъ ученіе проникло своимъ благотворнымъ вліяніемъ и политическую жизнь народовъ, возвысивъ ее на высшую степень гуманности и христіанской любви между Государемъ и подданными. Поэтому и христіанскіе проповѣдники могутъ и должны являться не только политическими мыслителями въ дѣлѣ проведенія въ массу народа правильныхъ политическихъ мыслей, такъ какъ и онъ—равноправный съ другими членъ государства, но и быть политическими дѣятелями, когда существующему образу правленія грозитъ тнуренная опасность, или когда все отечество бываетъ въ опасности со стороны внѣшнихъ врвговъ. Они могутъ и должны возвышать свой голосъ противъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые во имя политическихъ идей явно подрываютъ Божескій авторитетъ, или унижаютъ христіанскую религію. Не должны проповѣдники безмольствовать даже въ томъ случаѣ, если само правительство потребуеть отъ своихъ подданныхъ идти противъ воли Божіей, или вздумаетъ издать эдиктъ противъ бытія Божія. Въ этомъ случаѣ они должны руководиться словами Апостола Петра и другихъ Апостоловъ, сказанными въ отвѣтъ на запрещеніе членовъ синедріона проповѣдывать о Христѣ: „должно повиноваться больше Богу, нежели чело- вѣкамъ“¹⁾. Ни всевозможныя наказанія, ни даже самая ужасная смерть не должны заставить истинныхъ проповѣдниковъ христіанскихъ повиноваться людямъ болѣе, чѣмъ Богу. Только всегда и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, заключимъ словами Амфитеатрова, „проповѣдникъ долженъ дѣйствовать, какъ блюститель вѣры и стражъ добродѣтели и нравственности христіанской“²⁾ Но ни въ какомъ случаѣ

1) Дѣян. V, 29.

2) Гомилетика, т. II, § 223, стр. 41.

онъ не долженъ уподобляться тѣмъ ложнымъ пророкамъ, которые говорили царю израильскому: „взыди въ Реммау Галаадскую, яко дая предасть Господь въ руки царицы“, чтобы своимъ незаконнымъ вмѣшательствомъ онъ не надѣлалъ такой-же бѣды, какая постигла израильтянъ: „видѣхъ всего Израиля разсѣяна по горамъ якоже стада, имъ-же нѣсть пастыря“¹⁾.

Наконецъ, чтобы быть вполне своевременнымъ, христіанскому проповѣднику необходимо знать не только болѣе или менѣе постоянные вопросы, нужды и болѣзни своего вѣка, но и подмѣчать ежедневныя потребности своихъ слушателей и даже, такъ сказать, на лету схватывать мысли ихъ, во время самаго произношенія церковнаго слова. Для достиженія современности проповѣди, — въ полномъ смыслѣ этого слова, церковный ораторъ долженъ искать для себя мыслей въ душахъ стоящихъ предъ нимъ слушателей, долженъ различать и чувствовать, что соотвѣтствуетъ и что несоотвѣтствуетъ потребностямъ ихъ въ данный моментъ, чего они ожидаютъ, чего желаютъ, что произведетъ на нихъ впечатлѣніе и проникнетъ въ ихъ сердце. Въ противномъ случаѣ проповѣдникъ потеряетъ и время и трудъ и не сдѣлаетъ ничего добраго, хотя-бы онъ говорилъ о самыхъ прекрасныхъ вещахъ, потому что его рѣчь будетъ, по выраженію Св. Писанія, неблаговременною. Она будетъ только скользить по поверхности душъ, не входя въ нихъ, подобно тому, какъ вода скользитъ по стѣнамъ канала, не проникая во внутрь ихъ. Представителями такой своевременности были прежде всего Іисусъ Христъ и Апостолы, а затѣмъ великіе отцы и учителя церкви. Они всегда искали предметовъ для своихъ проповѣдей не въ собственномъ умѣ, а въ душахъ своихъ слушателей, говорили о томъ, что въ дан-

¹⁾ 3 Цар. XXII, 6—17.

ную минуту переживали эти души. „Жадная и любопытная толпа, говорить блаженный Августинъ, своими выразительными движеніями тотчасъ даетъ замѣтить, поняла-ли она, или нѣтъ; а доколѣ это не обозначится, надобно прибѣгать къ разнымъ приемамъ и оборотамъ рѣчи“¹⁾. Вотъ почему проповѣдь Спасителя и Апостоловъ побѣдила міръ; вотъ почему слово великихъ отцевъ церкви потрясало души, вызывало слезы и исправляло самыхъ тяжкихъ грѣшниковъ.

Насколько важна подобнаго рода своевременность, въ этомъ убѣждаетъ насъ и то обстоятельство, что ей придавали особенное и главное значеніе и знаменитые языческіе ораторы. По мнѣнію Цицерона, первое качество оратора должно состоять въ умѣннѣ узнавать мысли и чувствованія слушателей, чтобы къ этому приспособлять свою рѣчь. „Надобно быть, говоритъ онъ, человѣку тонкому отъ природы и опытному отъ навыка въ проницательности, чтобы чутко замѣчать, что мыслятъ, чувствуютъ, предполагаютъ и чего ожидаютъ тѣ, кого хотѣлось-бы убѣдить въ чемъ-либо словами своими: ему надлежитъ знать всѣ изгибы всякаго рода, возраста, состоянія и изучить всѣ ихъ мысли и чувства“²⁾. И онъ, дѣйствительно, всегда слѣдовалъ этому великому началу ораторскаго искусства. Съ этою цѣлью употреблялъ все свое стараніе на распознаваніе расположеній, образа мыслей и самыхъ сокровенныхъ чувствованій своихъ слушателей, чтобы сообразно съ ними построять и располагать свою рѣчь. „Я весь занятъ этимъ, говоритъ онъ, и въ мысли и на дѣлѣ“³⁾. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего выразительнѣе фізіономіи слушателей, народа, толпы. Поэтому ораторъ, во время своей рѣчи, долженъ обращать вниманіе

1) De Doctr. christ. lib., V—lib. IV, XIV.

2) De opat. lib. 1, CXXII.

3) Orat. LXX.

на стоящихъ передъ нимъ и, такъ сказать, слушать ихъ, долженъ внимательно слѣдить за впечатлѣніемъ своего слова на подвижной фізіономіи ихъ. Устремивъ свои взоры на вздымающіяся передъ нимъ волны народа, онъ долженъ наблюдать за всѣми движеніями его, чтобы управлять ими. Онъ долженъ останавливаться, настаивать, возвращаться назадъ, снова повторять свои доказательства, смотря по тому, овладѣли ли онъ вниманіемъ своихъ слушателей и сдѣлали ли свою рѣчь для нихъ убѣдительною.

А между тѣмъ ничѣмъ такъ не страдаетъ проповѣдь нашихъ дней, какъ недостаткомъ современности. Не говоримъ уже о своевременности въ данный моментъ, передъ этимъ изложенной нами. О ней не можетъ быть и рѣчи, потому что наши проповѣди не бываютъ, да едва ли и могутъ быть, за рѣдкими исключеніями, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, импровизаціей въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ бл. Августинъ и Цицеронъ. Если наши проповѣдники и предлагаютъ иногда своимъ слушателямъ импровизированное слово, то это слово ихъ является ничѣмъ инымъ, какъ сказываніемъ въ классѣ ученикомъ выученнаго имъ наизусть урока. Наша импровизація даже на самой высшей степени своего развитія не идетъ далѣе изложенія предъ слушателями хорошо усвоеннаго и прочувствованнаго опять таки того-же ученическаго урока. Въ большинствѣ же случаевъ наши проповѣди записываются въ тетради и по нимъ сказываются слушателямъ. И часто во все продолженіе чтенія проповѣди ораторъ даже не взглянетъ, или, по крайней мѣрѣ, не посмотритъ, какъ слѣдуетъ, на своихъ слушателей. Понятно, что при такой постановкѣ проповѣди не только чтецы, но даже и самые искусные говоруны не отступаютъ ни на шагъ отъ выученнаго или записаннаго, не обращая

никакого вниманія на то, какъ принимается слушателями рѣчь ихъ. А если они и замѣтятъ какъ-нибудь, что слушатели не понимаютъ ихъ, — имъ мало нужды, они не потрудятся представить новаго развитія и новаго объясненія мысли въ своемъ словѣ, но „ничтоже сумняся“ продолжаютъ далѣе свое сказываніе или чтеніе. Да и не легко дѣлать измѣненія на церковной каедрѣ въ заученномъ или записанномъ словѣ.

Не имѣя своевременности въ данный моментъ, наши проповѣди въ большинствѣ случаевъ страдаютъ отсутствіемъ вообще какой бы то ни было современности. Все ихъ содержаніе большею частію исчерпывается безконечнымъ повтореніемъ катихизическихъ истинъ и азбучныхъ нравственныхъ положеній, сотни разъ слышанныхъ одними и тѣми же слушателями. Вслѣдствіе чего отъ нихъ почти всегда вѣетъ мертвенностью и бездушіемъ. Эта мертвенность и это бездушіе проникаютъ въ самый тонъ голоса проповѣдника и вызываютъ сонливое состояніе въ слушателяхъ. Вотъ почему одна половина ихъ, едва увидитъ проповѣдника, бѣжитъ безъ оглядки изъ церкви, а другая, — состоящая преимущественно изъ простаго народа, остается въ церкви только потому, что считаетъ грѣхомъ уходить отъ проповѣди. Но вотъ началось сказываніе. Однообразно и монотонно, какъ часовой маятникъ, звучитъ голосъ оратора. Видно, что онъ и самъ скучаетъ и тяготится произношеніемъ чуждаго его душѣ, списаннаго имъ у другаго слова. И дремлютъ слушатели его, по временамъ вздыхая вздохомъ сна и творя вялымъ движеніемъ руки крестное знаменіе при именахъ Спасителя, Богоматери, Апостоловъ и святыхъ. И ждутъ, не дождутся они конца проповѣди, чтобы съ облегченною душею, какъ совершившимъ богоугодный, но тяжелый подвигъ, уйти изъ церкви.

Наконецъ, наша проповѣдь является несвоевременною не только по предметамъ своего содержанія, но и по мѣсту, занимаемому ею во времени совершенія литургіи. Подъ конецъ литургіи, когда у насъ обыкновенно произносится проповѣдь, слушатели бывають уже утомлены. Это обстоятельство и при современной по содержанію проповѣди можетъ послужить причиною того, что одна половина слушателей все таки уйдетъ изъ церкви, а другая, оставшаяся слушать церковное слово, будетъ невнимательна къ нему.

Изъ сказаннаго нами доселѣ видно, что только въ импровизаціи могутъ найти свое приложеніе всѣ черты удовлетворительной во всѣхъ отношеніяхъ проповѣди. Въ виду такой ея важности, считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ видѣ церковнаго слова, тѣмъ болѣе, что и самыя рѣчи ветхозавѣтныхъ пророковъ были ничѣмъ инымъ, какъ импровизированнымъ словомъ ¹⁾. и только послѣ прозношенія своего записывались. „Лишь только послѣ продолжительной дѣятельности пророкъ приступалъ къ письменному изложенію своихъ изустныхъ проповѣдей“ ²⁾, говоритъ Мейеръ. На это указываютъ часто повторяемыя слова Іеговы, обращенныя къ тому или другому пророку: „пойди и скажи“. Да и странно и совершенно неудобно было-бы въ то время древнимъ пророкамъ сначала составлять и записывать свои рѣчи, а затѣмъ читать ихъ предъ народомъ. Это неудобство сознавали даже лучшіе изъ языческихъ ораторовъ.

Проповѣдь Іисуса Христа была не письменная, а исключительно устная и притомъ не подготовленная, а вызываемая обстоятельствами. Всѣ проповѣди Апостоловъ, кромѣ

¹⁾ Примѣчаніе. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляетъ пр. Іеремія, когда онъ былъ въ темницѣ и писалъ посланіе іудеямъ изъ Египта въ Вавилонъ, и все то, что не направлено было прямо къ народу, какъ молитвы, гимны и проч.

²⁾ Веберъ. Всеобщ. Исторія, т. 1, стр. 826.

писанных по крайней необходимости, были вызваны, так сказать, внезапно и сказаны были без всякаго подготовленія. А когда нужда заставляла их писать, то они съ неохотою занимались этимъ дѣломъ ¹⁾. Историческое преданіе говорить, что Апостолы и равноапостольныя жены пронесли слово Евангелія во всю землю, а между тѣмъ кромѣ нѣсколькихъ проповѣдей, записанныхъ въ Дѣянїяхъ апостольскихъ, мы отъ нихъ ничего не имѣемъ. Точно также и отъ апостольскихъ мужей втораго и даже третьяго вѣка оставшіяся письменныя посланія свидѣлствуютъ только о томъ, что они были напоминачемъ устной проповѣди ихъ писателей. „Находясь между вами, пишетъ св. Игнатій Богоносецъ къ филиладельфійцамъ, я громко возвѣщаль, сильнымъ голосомъ говорилъ“ ²⁾.

И святые отцы церкви часто преподавали импровизаторское слово своимъ слушателямъ. Особенно прославились этимъ видомъ проповѣди св. Кириллъ іерусалимскій въ своихъ огласительныхъ и тайноводственныхъ поученїяхъ и св. Іоаннъ Златоустъ, послѣ того, какъ одна женщина, съ любовью слушавшая его, но къ сожалѣнію, не все понявшая, сказала вслухъ всего народа: „учителю духовный, паче же реку, Іоанне Златоустый, углубилъ еси кладязь святаго твоего ученія, а ужя ума нашего суть кратка и не могутъ досягати“ ³⁾.

И въ нашемъ отечествѣ импровизированное слово въ древнее время, можно думать, не было рѣдкостью. Въ этомъ убѣждаютъ насъ съ одной стороны быстрое распространеніе и утвержденіе христіанства на Руси, а съ другой—то обстоятельство, что отъ того времени и до 18 вѣка сохрани-

1) 2 Іоан. 1. 12; 3 Іоан. 1. 13.

2) VII глава.

3) Четь-мин. Ноябрь. 13.

лось очень мало письменных проповѣдей. Это, хотя впрочемъ, только съ вѣроятностью, заставляетъ насъ думать, что церковное слово того времени не было подготовляемо и записываемо.

Правда, трудно особенно въ первое время предлагать слушателямъ импровизированное слово. Но еще Демосенъ замѣтилъ, что стараніемъ и трудомъ можно преодолѣть всѣ трудности, какія на первый взглядъ кажутся непреодолимыми, и собственнымъ опытомъ съ полнымъ успѣхомъ доказалъ справедливость высказаннаго имъ положенія. И дѣйствительно, постоянное упражненіе помогаетъ усовершенію дара слова до такой степени, что рѣчь о предметѣ, конечно, хорошо извѣстномъ, льется изъ устъ безостановочно и связно, слѣдуя правильному ходу мыслей и естественному движенію чувства. Но по селамъ у насъ импровизація насколько необходима, настолько же и легка, потому что она обращена къ самымъ нетребовательнымъ на счетъ краснорѣчія слушателямъ. Необходимость ея по селамъ обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что деревенскимъ пастырямъ — проповѣдникамъ часто приходится наталкиваться на такіе жизненные вопросы и явленія, которые требуютъ отъ нихъ немедленнаго слова объясненія или вразумленія, назиданія или обличенія. Въ такихъ случаяхъ нѣтъ возможности садиться за столъ и писать поученіе, а необходимо говорить его тутъ же, на мѣстѣ нужды въ немъ, не теряя времени и повода къ слову. Увидитъ-ли проповѣдникъ толпящійся народъ у питейныхъ заведеній, замѣтитъ-ли во время совершенія богослуженія или какого-либо таинства и обряда неурядицу между прихожанами, встрѣтитъ-ли людей, толкующихъ неправо о вѣрѣ и благочестіи, натолкнется-ли на ссору или брань, онъ долженъ тотчасъ, подобно Златоусту, выступившему съ немедленнымъ словомъ обличенія

противъ ушедшихъ въ страстную пятницу въ театръ, если не такъ краснорѣчиво, то, по крайней мѣрѣ, такъ-же настойчиво и скоро обличить, запретить и умолить, по выраженію Апостола 1).

Настолько же необходима и умѣстна импровизація и въ отношеніи къ слушателямъ либерально образованнымъ. Правда, здѣсь она будетъ нѣсколько труднѣе, но вся трудность ея обусловливается только большею образованностью и начитанностью проповѣдника, а не искусствомъ краснорѣчиваго изложенія мыслей, такъ какъ внѣ-церковная бесѣда съ современными саддукеями ведется всегда въ діалогической формѣ. Къ такой бесѣдѣ готовится заранѣе совершенно бесполезно, потому что проповѣднику не извѣстно, о чемъ придется ему говорить въ томъ или другомъ обществѣ свободомыслящихъ людей. Онъ можетъ подготавливать себя только изученіемъ общаго міровоззрѣнія противниковъ и тѣхъ данныхъ, какія могутъ послужить достаточнымъ опроверженіемъ этого міровоззрѣнія.

Что же касается письменнаго изложенія проповѣди и чтенія ея по тетрадкѣ, то это можетъ допускать только начинающій свое дѣло молодой, неопытный проповѣдникъ, да и то по отношенію только къ сколько-нибудь образованнымъ слушателямъ и исключительно на церковной каѳедрѣ, а не въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Вообще письменная проповѣдь можетъ быть только попускаема, когда импровизація бываетъ вовсе невозможна, но ни въ какомъ случаѣ она не можетъ быть поставлена на ряду съ живымъ импровизированнымъ словомъ. Духу Святому угодно было внушать преимущественно устную, а не письменную проповѣдь. И это, конечно, потому, что письмо убиваетъ, а Духъ животворитъ, и что, по замѣчанію Апостола, радость бе-

1) 2 Тим. IV, 2.

сѣдующаго и слушающихъ бываетъ полнѣе, нежели читающихъ и пишущихъ ¹⁾).

Соотвѣтственно внутреннимъ достоинствамъ пророческихъ рѣчей, и внѣшняя ихъ форма не менѣе богата ими. Самая возвышенная, самая изящная форма человѣческаго слова, это — форма поэтическая. Она одна способна выражать собою самыя нѣжныя, тончайшія, благороднѣйшія и возвышеннѣйшія движенія человѣческаго духа. Вотъ почему пророки для своего божественнаго слова избрали поэтическую форму рѣчи: она одна только, да и то едва, могла выражать собою это дивное божеское слово, такъ какъ оно такъ высоко, что языкъ человѣческій слышеомъ бѣденъ и недостаточенъ, чтобы выражать его достойнымъ образомъ. Но не смотря на всю бѣдность и недостаточность человѣческаго языка для полного выраженія Слова Божія, рѣчи древнихъ пророковъ представляютъ собою чудо поэзіи. Плавно и мѣрно переливаясь въ свободныхъ логически-ротмическихъ двустишіяхъ или трехстишіяхъ, пророческая рѣчь бываетъ величественна и благоговѣйна, когда пророкъ изображаетъ свое призваніе ²⁾. Такая рѣчь наполняетъ душу человѣка благоговѣйнымъ трепетомъ. Она бываетъ грозна и страшна, какъ огонь палящій, какъ ударъ грома, какъ трубный гласъ въ судный день, когда пророкъ обращается къ развращенному и нравственно усыпленному народу и возвѣщаетъ ему приближеніе заслуженной кары Божіей ³⁾. Она бываетъ кротка и нѣжна, какъ голосъ беззавѣтно любящей матери, когда пророкъ утѣшаетъ страдающій народъ. Съ такимъ характеромъ она способна исцѣлить смертельныя зіяющія душевныя раны. Растворенная слезами, выры-

¹⁾ 2 Іоан. 1, 12.

²⁾ Ис. VI гл. Іез. I гл. и др.

³⁾ Ис. I гл. Ам. II гл. Іоил. I и II гл. Іер. XXIII, 29 и др.

вающимися изъ глубины души пророка, она является тѣмъ, чуднымъ бальзамомъ, который услаждаетъ самыя тяжкія страданія ¹⁾). А когда пророкъ переноситъ свой взоръ отъ скорбнаго настоящаго на будущее, исполненное завѣтнаго обѣтованія о грядущемъ Мессіи, тонъ его, прежде скорбно звучащій, оживляется, духъ ободряется, только что пролитыя слезы осушаются, и, полный радости, онъ забываетъ всю печальную горечь настоящаго и поетъ свѣтло-торжественный гимнъ ²⁾). Въ пророческихъ рѣчахъ есть страницы, которыя по возвышенности и силѣ выраженія не имѣютъ ничего подобнаго себѣ въ поэтической литературѣ всѣхъ временъ и народовъ. Да это и не могло быть иначе, потому что поэзія пророческихъ книгъ — боговдохновенна и запечатлѣна религіей и истиной, тогда какъ всякая другая поэзія часто омрачалась суевѣріями и заблужденіями, а поэзія нашихъ дней омрачается страстью и суетностью, воспѣваемыми ею.

Изъ внѣшнихъ риторическихъ формъ въ рѣчахъ древнихъ пророковъ встрѣчаются аллегоріи ³⁾, когда, напримѣръ, избранный народъ Божій изображается подъ видомъ виноградника; гиперболы ⁴⁾, когда, напр., перевороты и движенія народовъ представляются, какъ движенія неба и земли, какъ потемнѣніе и паденіе звѣздъ; смѣлыя метафоры ⁵⁾, когда, напр., духовные дары представляются подъ чувственными образами: божественное вдохновеніе, какъ водный потокъ въ жаждущей пустынѣ; слава и счастье, какъ незаходимыя солнце и луна; поэтическія олицетворе-

1) Іер. XXX—XXXI гл. Ис. XL. LIV и др.

2) Ис. XI—XII гл. XIX гл. XL гл. Іоил. III и др.

3) Ис. V, 9—18; Іер. XLVIII, 32; Іез. XL гл. и др.

4) Аггей. III гл. Іоил. III гл. Ис. XIII, 10. XIV, 12. XXXIV, 4 и др.

5) Ис. LX, 20; Іер. XX, 9; Іез. XX, 45—49 и др.

нія ¹⁾, когда, напр., дѣлается обращеніе, какъ къ живымъ лицамъ, къ небесамъ, землѣ, горамъ, деревьямъ и проч.; энергическія повторенія ²⁾; иронія ³⁾, когда, напр., кичливая человѣческая слабость изображается въ контрастѣ съ всемогуществомъ и величіемъ Божиимъ; уподобленія ⁴⁾, когда, напр., гнѣвъ Божій сравнивается съ волнами, все поглощающими. Къ внѣшнимъ риторическимъ формамъ относятся и пословицы ⁵⁾, употребляемыя пророками въ своихъ рѣчахъ съ большимъ искусствомъ. Заканчивая характеристику внѣшней формы библейской проповѣди, скажемъ, что описанія предметовъ и изображеніе страстей человѣческихъ въ ней настолько живы и поразительны, что при чтеніи ихъ всякій считаетъ себя болѣе очевидцемъ ихъ, болѣе имѣющимъ дѣло съ дѣйствительными предметами и живыми проявленіями страстей, чѣмъ съ изображеніями ихъ мертвыми буквами.

Пророческія рѣчи, отличныя въ общемъ отъ лирическихъ произведеній, превращаются въ нихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пророки вносятъ въ свои рѣчи гимны прежнихъ временъ или свои собственные. Тогда еще полнѣе, еще глубже льется чувство, еще живѣе рисуются картины, еще смѣлѣе становится полетъ мысли. Вставочные гимны, это—новые лучи, придающіе новый блескъ картинѣ, это—новые звуки, вносящіе прелесть разнообразія въ цѣлую гармонию.

Въ отношеніи внѣшней формы пророческая проповѣдь даетъ намъ хорошій урокъ относительно школьнаго предразсудка, опутывающаго современную проповѣдь схоласти-

¹⁾ Ис. 1, 2. XIV, 7. 8. XXIII, 4. 14. XLIV, 23. LV, 12; Іез. IV, 3, Мих. VI, 2 и др.

²⁾ Ис. XIII, 9. XL, 1; Іер. XXII, 29 и др.

³⁾ Ис. X, 15. XXIX, 16, XLV, 9 и др.

⁴⁾ Ис. LXXXVII, 8. 18; Ис. XXXVIII, 12. LV, 10 и др.

⁵⁾ Іез. XVIII гл. и др.

кой. Проповѣдь пророковъ, не заботясь о внѣшнемъ изложеніи мыслей, строго соблюдала логику здраваго смысла. Она стремилась только къ тому, чтобы говорить о предметахъ, необходимыхъ для слушателей. Этимъ предпочтеніемъ содержанія предъ формою она обличаетъ нынѣшнюю проповѣдь, жертвующую существомъ дѣла логической внѣшней формѣ. Нынѣшняя проповѣдь, слѣдуя школьнымъ законамъ, въ основаніе проповѣдническаго слова полагаетъ тему, взятую по приказу или на удачу. Развитие темы, условленное подраздѣленіями, не заботится о жизни, ея стремленіяхъ и недостаткахъ. Правда, это бываетъ не всегда, но не ошибемся, если скажемъ, что оно бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Представляя стройное сочиненіе по формѣ, такая проповѣдь отличается безсодержательностью, однообразіемъ, утомительными повтореніями и неприложимостью къ жизни. Множество словъ, поученій и бесѣдъ, составленныхъ во вкусъ нынѣшней логической формы, носятъ на себѣ печать школьной фабрикаціи. Поэтому необходимо составлять проповѣди такъ, чтобы жизненные предметы указывали имъ форму, а не логическая форма давала искусственное содержаніе. Ученіе о темахъ, о разъясненіяхъ повѣствованій и о дѣленіяхъ проповѣди на слово, поученіе и бесѣду надобно бросить. Это—дѣло школы, а не жизни. Да и сама школа, погруженная нынѣ въ теоріи и системы и неимѣющая поэтому возможности заняться дѣйствительною жизнію, какъ только сблизится съ міромъ и станетъ истолковательницею его нуждъ и стремленій, пойметъ всю ненужность нынѣшняго преобладанія въ большинствѣ проповѣдей формы надъ содержаніемъ.

Что-же касается языка библейскаго, то онъ, какъ удобопримѣнимый ко всякому языку и ненарушающій при этомъ на своей, ни чужой чистоты, можетъ быть образцемъ для

языка современныхъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Но въ тоже время этотъ языкъ заключаетъ въ себѣ много такихъ чертъ и особенностей, какимъ нынѣшній проповѣдникъ не можетъ и не долженъ подражать. Такими особенностями является темнота нѣкоторыхъ выраженій библейскаго языка. „Я рѣшительно не совѣтую, говоритъ блаженный Августинъ, подражать св. писателямъ тамъ, гдѣ они выражались съ полезною и спасительною темнотою“ ¹⁾. Такими же особенностями являются символизмъ и открытость библейскаго языка. Если, подражая Спасителю, можно употреблять въ проповѣдяхъ притчи, то символы библейскіе должно только объяснять. А такой открытости языка, какую мы усматриваемъ въ XVI главѣ пророка Іезекиіля, необходимо вовсе избѣгать, потому что она въ нашъ просвѣщенный, но грѣшный вѣкъ принесетъ одинъ вредъ. Наконецъ, не все то, что дѣлаетъ пророческую проповѣдь наглядною и общепонятною, можно употреблять въ современной христіанской проповѣди. Къ этому роду принадлежатъ образы, взятые изъ мѣстной природы. Такъ, уподобленія кораблямъ, львамъ, сернамъ были прекрасны тамъ, гдѣ были народны—на востокѣ, а у насъ эти подобія пестрятъ только рѣчь и удаляютъ ее отъ общедоступнаго пониманія. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно подражать не самому библейскому языку, а только характеру его, сообщая этотъ характеръ родному языку. Родной языкъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть господствующимъ въ проповѣди, потому что онъ одинъ даетъ намъ не только формы рѣчи, но и знаки вещей со всѣми ихъ оттѣнками, понятными съ дѣтства.

Иванъ Дементьевъ.

¹⁾ Христ. Наука, кн. IV, гл. XXII, стр. 272, русск. пер.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

О миссіонерскихъ противосектантскихъ Комитетахъ въ Екатеринославской епархіи съ краткимъ обзоромъ исторіи и характеристикю мѣстнаго сектантства.

Екатеринославъ, 1892 г. стр. 168+204.

СОСТАВИЛЪ

Инспекторъ Екатеринославской Семинаріи

М. Я. МОНАСТЫРЕВЪ.

Въ приложеніи помѣщены протоколы названныхъ Комитетовъ, выбранные изъ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (офф. отд.) и расположенные въ отношеніи предмета приблизительно въ порядкѣ, требуемомъ системою христіанскаго вѣроученія.

Цѣна книги 2 рубль съ пересылкою.

Книга особенно полезна для Миссіонерскихъ Комитетовъ и благочинническихъ библіотекъ.

Адресоваться съ требованіями въ Редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи въ 1893 году

„Богословскаго Вѣстника“.

Въ 1893 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ, по слѣдующей программѣ: